

Все персонажи, события и места действия данного произведения являются исключительно вымышленными — хотя, возможно, инспирированы реальными людьми, случаями, происшествиями, путешествиями, разговорами и встречами в различных населенных пунктах России и зарубежья.

Москва. Сентябрь 1998 года.

На девятом месяце всегда тяжело.

Как бы ты ни хорохорилась.

Вы, мужики или нерожавшие, можете, для примера, привязать себе к талии огромный шар весом пятнадцать или все двадцать кило и походить хотя бы денек. Поездить в душном метро. Попытаться втиснуться в тесный шоферский отсек «Жигулей»-«девятки».

С таким животом (и общим ослаблением и вялостью организма) хорошо лежать на спине под прохладной простыней. И читать что-нибудь легкое, во всех смыслах, и необязательное. Какую-нибудь Джекки Коллинз в мягкой обложке. «Звезду (прости господи) Голливуда». И еще хорошо, чтобы кто-нибудь приносил тебе свежавыжатый апельсиновый сок. И коль скоро любимый кофе по случаю все той же беременности нельзя — хорошо заваренный чай.

А она бы еще на него — того, кто все это подносит, — ворчала. И даже покрикивала. Что опять пожалел заварки, а сок выдавил с косточками.

Однако беда заключалась в том, что покрикивать ей было ровным счетом не на кого. Ворчать — тоже.

Как некому и подносить напитки.

Но отсутствие мужской подмоги и понимания еще можно пережить.

Настоящая беда заключалась в том, что ей негде, в самом буквальном смысле, преклонить голову.

Не имелось не то что прохладных простыней — никакой кровати или дивана не имелось. Хотя бы даже без

постельного белья. Можно было, конечно, пристроиться здесь, в запасном офисе.

Офис — громкое слово. Одна комната в доживающем последние дни советском НИИ. Внутри — два щегольских канцелярских стола благородного цвета кофе с молоком, они с Максом купили их в свои недолгие дни блистательного процветания. Один стул, удобнеее псевдокожаное кресло, компьютер, телефон с факсом и ксерокс. Однако затеваться с ремонтом, даже косметическим, показалось им излишним. Обои оставили старые, от арендодателя, в ужасный розовый цветочек. Занавесочки и карнизы — тоже кошмарные. Скрипучие истертые полы. На столе — стопка бумаги, карандаши в стакане. И справочник, желтые страницы Москвы на девяносто седьмой — девяносто восьмой годы.

Где адрес их тайного пристанища (кстати говоря) ни в коем случае не значится.

Она сперва сопротивлялась и говорила Макс: зачем? К чему тратиться на дополнительную аренду, если они тут и не бывают практически? Приехали пару раз, и то для того (как ей показалось, и правильно, наверно, показалось), чтобы невенчаный супруг овладел ею. Прямо на этом самом кресле, стискивая зубы, когда слышался шум шагов и голоса людей, спящих по коридору.

Совсем ей тогда не до восторгов любви было, в первом триместре. А Макс как с цепи сорвался, склонял ее к плотским утехам всегда и везде. И своего добивался.

Он чертовски настырным был, Макс. Вот и с офисом настаивал: авось да пригодится. Пусть будет запасной аэродром, никому не известный. Оформил аренду на своего школьного приятеля-алкоголика, которого связать с реальными съемщиками было еще постараться.

Она даже взревновала сперва: вьет себе гражданский муж уютное гнездышко для интимных встреч. С ней он это местечко как раз опробовал, а теперь пустится во все тяжкие. Будет сюда баб водить. Она ему про свои

подозрения мягко намекнула — а он расхохотался: да ведь квартира для интима удобней, разве нет? Зачем для утех *офис* снимать? В частном секторе куда как комфортабельней можно устроиться!

И впрямь — в офисе предаваться любви комфорта мало: полежать спокойно негде. Помыться — тоже. В тот их единственный раз пришлось, фу, туалетной бумагой вытираться.

А если скрываться, пересидит она здесь хотя бы пару дней? Ладно без кухни, питаться можно выходить в столовку, оставшуюся от НИИ на первом этаже. А как прожить без ванной? Без кровати? Спать в кресле? Или на полу?

Спасибо, что хоть крыша над головой имеется. Приют убогого чухонца. Остается только задуматься: вот Макс, он что, изначально планировал, что у них все так закончится? Вся любовь и весь бизнес? И он именно для подобного случая запасные аэродромы себе налаживал? Или все-таки сыграла свою роль его врожденная осторожность?

Осторожность и подлость?

Да-да, как она ни защищала Макса перед собой, ничего не оставалось делать, кроме как признать: а ведь он настоящий, получается, натуральный подлец. А как еще назвать мужика, который в самый критический момент совместной жизни вдруг р-раз — и линяет? И даже не устаивает объяснения? Просто, сволочь, оставляет на кухонном столе записку: дорогая, мне срочно надо уехать, как обустроюсь, дам о себе знать, а ты меня не ищи — глупо, бесполезно, все равно не отыщешь.

И — исчезает. И — бросает ее. На девятом месяце беременности, с их совместным ребенком в животе. И — с многомиллионным долгом.

Конечно, Максик знал, чувствовал, куда дело катится! Она и сама, после того как в августе правительство «киндер-сюрприза» Кириенко объявило дефолт, пони-

мала: в ситуацию они попали аховую. Почти безнадежную.

Но она-то готовилась к борьбе и планировала: они с Максом будут сражаться и выпутываться — рядом, вместе, плечом к плечу. Поддерживая друг друга.

Но Макс, оказывается, вынашивал иные планы. Он, мерзавец, просто бросил ее. Благородно оставил здесь, в Москве, заставив одной справляться со всем, что на нее навалилось: и с будущим ребенком, и с миллионным долгом.

А сам... сам он теперь где-нибудь далеко, в теплых краях. На Карибах или Багамах. Сидит, подонок, с коктейлем, развалившись, у бассейна.

Если у него хватило подлости ее кинуть — можно не сомневаться: значит, хватило мерзотности втайне припрятать себе деньгу на черный день. Значит, он всегда вел двойную бухгалтерию? Постоянно обманывал? Ведь она в их совместной фирме исполняла роль главбуха — и как только прошляпила, проворонила?

Стало невыносимо себя жалко, и слезы снова закапали, потекли по щекам. Она рыдала тихонечко, чтоб не услышали снующие по коридору.

Потом, когда плакательный пароксизм прошел, стало легче. Но она даже платок в сумочку забыла положить, убегая сегодня из дому после *того звонка*. Пришлось вытирать слезы туалетной бумагой — тем самым рулончиком, что они с Максом привезли сюда, вместе со всем необходимым, «на новоселье». Как давно это было — хотя, казалось бы, полгода назад, в марте. И насколько другим тогда казалось! Веселым, безоблачным, бесшабашным! Полным надежд и радужных упований!

Впору было снова захныкать. Но слезами, как известно, горю не поможешь.

Надо думать, как спастись. Спасать себя — и ребенка. Который, словно почувствовав ее отчаяние, как раз начал в ее чреве радостно кувыркаться, лягаться, стучаться изнутри. Будто говорил: эй, мамаша, вспом-

ни и подумай обо мне. Теперь я, что бы ни случилось, главная твоя величина, основная твоя забота.

«Ты меня слышишь, маманя? Все будет о'кей?»

Да-да-да. Главные жизненные вопросы ей теперь будет задавать ребенок. И потому ей следовало что-то срочно придумать. Прежде всего, где рожать. Для *тех, кому они с Максом должны* и кто поставил их на счетчик, нет ничего проще пробить все московские роддома, да и подмосковные тоже. И встретить ее на пороге в день выписки, выходящую из ворот с сопящим сверточком: «Это мы, здравствуйте, где там наши денежки?»

Ехать домой, к матери, — тоже не вариант. И дело, конечно, не в том, что мамаша знать не знает, ведать не ведаёт о ее положении — ничего, перетопчется, а может, даже обрадуется будущему внуку или внучке. Беда, что *они* ведь и мамкин адрес в два счета могут пробить и туда наведаться.

По той же самой причине решительно не годятся и заведшиеся в Москве три-четыре подружки по институту, и бедный, беззаветно влюбленный в нее Кирюшка.

Оставалось одно: бежать куда глаза глядят. Страна у нас, слава богу, большая. Ткнуть пальцем в карту — хорошо бы целить в большой город, желательно «миллионник», чтобы родовспомогательная советская медицина еще не успела там развалиться. И уехать в глушь, в какую-нибудь Самару, Казань или Нижний Новгород. Или Новгород Великий. Или даже Петербург — а почему нет? Чем плоха Северная столица?

Причем бежать надо не на машине, конечно. На авто *они* вычислят ее на раз. Как ни жалко бросать любимую подружку-«девятку», но пусть она остается там, где стоит, — во дворе ее дома в Спиридоновском переулке. *Их с Максом* дома. *Бывшего* дома.

Поездом и самолетом, по причине конспирации, ехать тоже нельзя.

Значит, остается брать машину напрокат. Прокатный сервис в России — он пока, конечно, совершенно

не развитый. Операцию надо будет провернуть частным образом, втихаря, не оставляя следов. Найти частника, чтоб продал ей машину без оформления — просто написал на нее доверенность с правом продажи. А она сядет и прямо после покупки покатит в глубь страны.

Да, может, и хорошо, что настоящего проката лимузинов, с предъявлением паспорта, прав и кредитки, в стране пока что нет. И сразу вспомнилось, как они с Максом мечтали, что когда-нибудь, когда по-настоящему встанут на ноги, откроют подлинный «рент-а-кар», как на Западе.

И гостиницу собственную заведут. И ресторан. И загородный дом отдыха на озере, с пляжем, сауной, лодками и великами.

Однако теперь, вместо того чтобы реализовывать столь далеко идущие *совместные* планы, приходится ей *одной* скрываться в запасном офисе, на резервном аэродроме (как Макс говорил).

Не плакать, только не надо плакать!

Лучше строить свой собственный *запасной план*: предпочтительней все-таки не покупать авто, а договориться с каким-то таксером, водилой-бомбилей. Пусть везет. На это денег точно хватит. Слава богу, у нее тоже хватило ума оставлять заначку на черный день. Но если Макс сэкономил, по всей видимости, по-крупному — настолько, что ему хватило слинять с концами, как припекло, — то она собирала по-маленькому. Думала, дура, сделать любимому подарок — у него как раз в феврале день рождения, — собрать ему на иномарку. Что он все у нее «девятку» одалживает? Или, в особо крутых случаях, когда пыль в глаза надо пустить, «мерс» с шофером арендует?

Семь с половиной тысяч долларов у нее набралось. Да, хватит доехать до Питера (или даже до Казани) и обустроиться: и родить, и на первое время.

А дальше она что-нибудь придумает.

Как говорится в ее любимой книге, «я подумаю об этом завтра».

Поэтому надо не засиживаться здесь, в никчемном и дурацком офисе, а воспользоваться здешними коммуникационными возможностями — телефоном, факсом и новой игрушкой — Интернетом, чтобы найти, и немедленно, прямо сегодня, водителя с машиной, чтобы тот отвез ее... Отвез — куда?

Куда-нибудь в совершенно случайный город, где она даже не бывала раньше никогда и где ее никто не знает и она — никого.

И там она все, даст бог, начнет сначала.

Шаги по коридору вдруг остановились возле ее двери.

Две пары мужских шагов.

И тишина. Ни стука, ни голосов. Ей почудилось?

А потом в дверь забарабанили — коротко, но властно.

И раздался голос.

Тот самый голос.

Мужской, решительный, с усмешливыми обертонами и интонациями:

— Эй, красавица! Открывай давай! Я знаю, ты здесь! Не испытывай наше терпение! Третий этаж, все равно в окошко не выпрыгнешь. Да еще с пузом таким. А нам поговорить надо. Деловое предложение имеется.

Она сжалась и, как загипнотизированная, слушала голос и смотрела на дверь.

— Вскроем сейчас замок к чертовой матери. Хуже будет.

— Я милицию вызову.

— Очень-очень глупо будешь выглядеть. Открывай. Клянусь, никаких утюгов и паяльников. Войдем, как говорится, в твое положение. Просто поговорим. Давай, открой, красоточка, ну!

И она ему отворила.

Первым в комнату вошел Тамерлан. Шкаф-телохранитель, не обращая никакого внимания на женщину, будто ее и не было тут вовсе, осмотрел комнату: что за

дверью, за окном, даже под столы глянул. А после — вышел. И дверь за собой прикрыл. Но оставил в комнате второго. Своего босса.

Заимодавца и кредитора.

Выглядел тот, как типичнейший новый русский — персонаж, который к тому времени, девяносто восьмому году, постепенно уже начал исчезать, линять, приспособливаться к меняющимся условиям. Многих из тех, кто царил и властвовал в самом начале девяностых и кого газета «Коммерсант» первой прозвала «новыми русскими», к концу десятилетия поубивали, кто-то безвозвратно уехал. Иные цивилизовались, стали одеваться со вкусом. Но для типа, вошедшего сейчас в офис, время словно остановилось. Малиновый, да, пиджак; по перстню с печаткой на каждой руке, золотой «Роллекс» на одном запястье и золотой же браслет — на другом; брутальная небритость, живот и пацанская походка — таков был портрет того, кто явился сейчас к ней.

Но главными в его внешности, безусловно, были глаза. Абсолютно холодные, безжалостные — глянешь, и сразу возникает мысль, что их обладатель способен убить. И наверное, *уже убивал*.

Вот у кого она оказалась в полной власти.

— Че, побегать решила? — с некой даже долей сочувствия проговорил кредитор и хохотнул: — Пуля догонит. Далеко собралась? — Он кивнул на чемоданчик, который она пристроила у тумбы письменного стола. — Или здесь, прям в офисе, зимовать решила?

— Как вы меня нашли? — ошеломленно проговорила она — потому что, во-первых, и впрямь было непонятно как; а во-вторых, почему-то ей подумалось (и даже с некоторым злорадством, но отнюдь не с жалостью), вдруг кредитор скажет: а мы, мол, твоего хахалю Макса отыскали, и он нам тебя выдал. Чтобы не одной пропадать! Чтобы и Макс теперь покрутился!

Однако «новый русский» произнес иное:

— Смотри и учись. Даю тебе урок. Знать надо такие вещи. А то бизнес... называешься, мля, вумен, а таких элементарных понятий не ведаешь.

Он без спроса засунул лапу в ее сумку. Вытащил оттуда сотовый, недавно купленный за большущие деньги, — огромный лопатник, мобильный телефон «Нокиа» величиной с добрый кабачок.

— Местонахождение такого телефона вычисляется на раз. Триангуляция называется. — Ученое заморское слово «триангуляция» «новый русский» проговорил с очевидным удовольствием. — Так что, если хочешь от кого шухариться, первым делом от мобилы надо избавиться — поняла, крошка?

И он повертел в руках ее телефон, проверил табло последних вызовов — а потом, ничего интересного, видимо, не обнаружив, сунул, как собственный, во внутренний карман пиджака. Безо всяких пояснений.

— Ладно, «тайм из мани», как говорят наши друзья американе, — промолвил заимодавец. Английскую поговорку, с чудовищным акцентом, он также произнес с видимым наслаждением: мол, я хоть из простых и провинциал, в столицах не проживаю и не обучался, однако тоже не лаптем щи хлебаю. — Поэтому не буду сопли жевать и задавать тебе бессмысленные вопросы. Скажу предельно конкретно. Ситуация у нас с тобой такая. Ты со своим сожителем должна мне денег. Сожитель твой скрылся в неизвестном направлении. А ты, овца, по его долгу передо мною ответить не можешь. Правильно я обрисовал?

Он сделал паузу, однако она ничего не ответила. Хотела заплакать, но слезы не шли, да и все равно, понимала юная женщина, этим делу не поможешь.

— Все правильно, — удовлетворенно сказал сам себе «новый русский». — А ты молчишь, потому что че говорить-то! Денег у тебя не имеется. Есть только товар, который ты, в условиях наступившего кризиса и резкого падения спроса, будешь реализовывать до мамонтовых

костей. А мне бабло нужно не завтра, а сейчас. Кроме товара, который неизвестно, когда продашь, другого имущества у тебя нет. Барахло, что здесь имеется, да и в основном офисе пылится, я, конечно, заберу. И «девятку» твою тоже реквизирую. Хотя все это копейки стоит. Писи крошки Хаси. Жилья у тебя нет, квартира съемная. Двушка твоей матери в Таганроге, тридцать два квадратных метра, мне даром не нужна.

Она была ошеломлена. Подумать только! Бандит (или бизнесмен?) узнал всю ее подноготную — и про «девятку», и про маму, и про их несчастную таганрогскую панельную двушку в хрущобе.

— Че делать-то будем, крошка? — с элементом сострадания переспросил он.

— Я отдам, — безнадежно пробормотала девушка. — Макс вернется, и мы все отдадим.

— О, то ли вернется, то ли не вернется, а скорее не вернется, я тебе что, петрушка — ждать и надеяться? Нет... — Кредитор сделал театральную паузу. — Счетчик-то тикает. Проценты растут. И вот в счет своего долга ты, крошка, отдашь нам самое дорогое, что у тебя есть. И это не честь девичья — откуда у тебя *целка-мудренность* возьмется, на девятом-то месяце! — Он заржал, сам довольный собственной шуткой. Она молчала.

— НО! — Кредитор воздел два пальца, указательный и мизинец, в бандитскую козу-дерезу (сверкнул перстень с бриллиантом). — Имеется у тебя и сейчас кое-что, чем можно умело распорядиться. — И бандит указал перстом на ее живот.

Прошло двадцать лет. Наши дни.

Бывает на южных курортах благословенное время, когда поток туристов слабеет, солнце не жжет, а ласкает, а море лежит такое теплое-теплое и тихое-тихое, словно решило напоследок, перед штормами, убаюкать вас и умиловать по полной программе.

Именно в такие дни, называемые по старинке бархатным сезоном, две юные девушки задушевно беседовали в съемной сторожке, расположенной на краю приморской поселковой усадьбы. Несмотря на распахнутое окно, вряд ли кто мог слышать их диалог. Собственница, предоставившая им кров по сходной цене, ютилась в избенке на другом краю участка, да и вообще была глуховата. Кроме того, шаги (хозяйки или любой другой персоны) задолго стали бы слышны постоялицам — садовая дорожка, ведущая к домику, вся была усеяна ранним листопадом ореха и черешни, а с противоположной стороны строение ограждали непролазные заросли заброшенного виноградника. Поэтому обе квартиросъемщицы могли быть вполне откровенны, не боясь чужих ушей.

О чем могут шептаться юные девы? Да на курорте, да в бархатный сезон?

Конечно, о мужчинах, скажете вы — и ошибетесь.

— Сколько нам еще надо будет, как думаешь?.. — спросила одна и сделала паузу, словно не решаясь выговорить вслух: надо будет — чего? Но товарка поняла безо всяких пояснений:

- Еще три дела, максимум четыре.
- А потом?
- Суп с котом.

— Нет, правда? Что мы будем делать потом?

— Уедем.

— Куда?

— Не куда, а откуда. Отсюда! Из этой гребаной провинции. Из этой глупости, пошлости, наглости!

— Хорошо, я согласна. Но уедем — куда? В Москву? Фу, *зашквар!*¹ В столице те же глупость и хамство, только *жиза* еще суетливее. Люди бегают гораздо быстрее, чем здесь. И кидают друг друга чаще.

— Да, в Москву ехать — это пошло. Мы че, чеховские, блин, три сестры? — Девушки, несмотря на молодость, далеко не богатый антураж, окружающий их, и современный жаргончик, демонстрировали в разговоре явную эрудицию. Да и вообще производили впечатление девочек грамотных, начитанных. — Предлагаю целить на два варианта. Первый такой. Поедем мы на тропический остров, будем там валяться с коктейлями и подманивать крутых и состоявшихся перцев. А потом выйдем замуж за папиков-миллионеров и будем жить на все тех же тропических островах, причем вечно. Лет через двадцать бессмертие уже изобретут. Не для всех, конечно, а только для богатых. И мы будем в их числе.

— Красиво, но очень скучно. А второй вариант?

— Нарубим бабок и поступим в крутой западный универ. С нашими-то мозгами — в два счета! Окончим. Сами пробьемся. Зато никакие папики нам не будут нужны. Найдем себе каждая по *сасному куну*². И уж тогда будем бездельничать на тропическом острове!

И они обе залились громким и почти беспричинным смехом, каким могут смеяться лишь юные девы, какими две эти особы и были.

¹ Здесь и далее героини порой изъясняются на современном молодежном жаргоне. *Зашквар* — нечто крайне непривлекательное.

² *Кун* — парень, мальчик. *Сасный* — привлекательный, сексуальный.

Так как они обе станут главными героинями нашего романа, позвольте вкратце представить их.

Далеко не нами первыми замечено, что в каждом человеческом дуэте один обычно является ведущим, другой — ведомым, кто-то исполняет первую скрипку, другой — подыгрывает. Так и в этой паре. Та девушка, что в ходе вышеприведенного диалога в основном задавала вопросы и подлаживалась, звалась Юлией и играла в отношениях как бы роль второго плана. Внешне была она чернявенькой, загорелой брюнеткой, по сложению довольно плотной — типичной южанкой, кубанкой, казачкой. Она твердо стояла на ногах и не чуралась любой работы, о чем свидетельствовали ее мощные лодыжки и икры, а также кисти рук. Но, несмотря на приземистость и своего рода почвенную укорененность (а может быть, благодаря им), она была хороша — как хорош только что распустившийся южный цветок или даже целый куст красивейших бутонов: собољи брови, нежные щеки, большой красный рот.

Вторая товарка, словно специально в противовес первой, была тоненькой, беленькой, худенькой, даже хрупкой. Узкие кисти, узкие щиколотки, тонкие черты лица. Однако, невзирая на внешнюю subtilность, именно ей в этом девичьем дуэте принадлежала первая роль. При том, что красивы были обе и каждая по-своему; беляночка, в отличие от товарки, владела искусством (почти утраченным в наше измученное феминизмом время) сводить с ума любого или почти любого мужчину — своими взглядами, смехом, интонациями, касаниями, жестами. (Разумеется, эта ее способность проявлялась не сейчас, в тот момент, когда девушки были одни, а при появлении на горизонте сильного пола — причем включалось в ней это природное кокетство безо всякого принуждения, бессознательно, автоматически.) Звали беляночку Анастасией.

Следует заметить в скобках, ее лидерство (в данном дуэте и вообще по жизни) отнюдь не означало, что она

умнее своей подружки. Как известно, «руководитель» и «ума палата» — далеко не всегда синонимы. Черненькая, Юля, и знала больше, и соображала быстрее — однако все равно предпочитала держаться в тени своей менее подкованной, но бойкой подруги.

И еще: посторонний наблюдатель, случись ему заглянуть в каморку, что делили подружки, наверное, немало подивился бы тому обстоятельству, что девушки называют друг друга «сестрами». Более того! Сестрами обе числились и официально, по документам! И это несмотря на то, что внешне меж ними не существовало, казалось, ничего общего — кроме очевидной молодости и красоты. Но красота эта, подчеркнем еще раз, была у каждой совершенно особенного, своего рода. Да, розочка и беляночка. Брюнетка и блондинка. Приземленная и воздушная... Однако своего формального родства и того, что они приходятся друг другу сестрами, девушки при посторонних не афишировали. Не то чтобы стеснялись — просто зачем болтать, только лишние расспросы вызывать. Правда, относились друг к другу уважительно и доверительно — еще более внимательно, чем порой настоящие родные люди.

Вот и сейчас беседовали они друг с другом в совершенно задушевном тоне, при том, что домик, который глухая бабка сдавала нетребовательным курортникам, мало располагал к подобным беседам. Да он и вообще мало к чему располагал: пара убогих кроватей, хромая тумбочка, косая пыльная люстра, зеркало с выцветшей и отслоившейся амальгамой — вот что представляло собой убранство комнаты. (Туалет и душ находились во дворе; под навесом располагалась также импровизированная кухонька со столом, покрытым грязной клеенкой, и плиткой, куда подавался газ из баллона.) Однако девушки не замечали всей бедности обстановки — возможно, в силу возраста или, быть может, привычки к существованию в подобных условиях — и продолжали

секретничать, каждая лежа на своей кровати и обернувшись лицом друг к другу.

— Скажи, Настька, а ты боишься? — спросила вдруг Юля (черненькая, ведомая).

— Боюсь — чего?

— Ну как — чего? Что нас схватят, поймают, осудят.

— Даже не думаю об этом.

— Ты серьезно?

— Да нет, конечно, глупая. Боюсь, куда без этого.

А больше всего маму жалко — как она соседкам нашим гребаным в глаза смотреть будет? Ну а что нам еще делать, Юлька? Десятирублевые монеты из магазинных тележек в «Магните» воровать, как Стас?

— Ну, мы ведь неплохо учились... Пошли бы дальше...

— И что? Ты бы кончила вуз и из провизоров дослужилась до фармацевта? Ага, впечатляющая карьера — с двенадцати тысяч перейти на восемнадцать!

— Замуж бы вышли... — неуверенно проговорила Юля.

— За кого ты в нашей дыре выйдешь?

— Это правда, — вздохнула черненькая, — у нас, если не алкаш и жену не *панчит*¹, уже принц на белом коне.

— Зачотно замечено. Поэтому давай, моя *тяночка*², много не думай и не хандри. Настрой на позитив — и вперед, без страха и сомнений.

А дальше девушки вскочили со своих лежанок, и в домике началась подготовка к вечернему выходу — казалось бы, простое, хотя интригующее и упоительное действо: примерка одежек, причесончик, макияж.

Но почему тогда обе девы собираются столь сосредоточенно, будто готовятся не прошвырнуться по вечерней набережной и, может быть, выпить по коктейлю

¹ Панчить — цеплять, гневно ругать, а то и бить.

² Тян, тяночка — молодая девушка.

в кафе, а по меньшей мере к представлению, где обеим уготовано блистать в главной роли? Почему они собирают в сумочки — вроде бы дамские, однако чрезмерно большие — *все* свои вещи из домика? И почему у них — довольно продуманно — настолько мало поклажи? Все шампуни и кремы в одноразовых мини-упаковках; блузочек, маечек и кофточек — по минимуму, приходилось даже подстирывать, подглаживать по ходу пребывания на курорте. И почему девчонки столь тщательно проверяют, ничего ли они не забыли в избушке? Но при этом не докладывают хозяйке, что съезжают, и с ней не прощаются? И зачем, наконец, одна из них, черненькая Юля, сует вовнутрь сумки лэптоп?

И почему, спрашивается, обе они тщательно протирают все вещи и ручки в покидаемом домике — чтобы не оставить невзначай свои отпечатки пальцев?

* * *

Спустя час юные прекрасные особы уже шагают по вечерней набережной в курортном поселке, называемом немного странным именем Каравайное.

Надо заметить, что топонимика их родного Кубанского края весьма разнообразна. Здесь имеются названия, сохранившиеся с периода турецкого владычества: Джубга, Бжид, Текос; есть и те, что связаны со временем освоения региона Российской империей: станицы Динская или Кушевская; и, наконец, сугубо советские имена — скажем, город Кропоткин. Присутствуют и романтические прозвания непонятно какого периода — из серебряного века вынырнувшие, что ли? Например, приморский поселок Криница. Или вот это — Каравайное. Почему Каравайное? Кто и кому пек здесь каравай? Бог весть.

Не знали об этом и наши девы, шли себе вдоль ласкового моря, где еще резвились на закате последние купающиеся.

Обе перед выходом слегка подкрасились — но чуть-чуть, чтобы не выглядеть вульгарными. Обе в хлопчатобумажных брючках и удобных босоножках на низком каблуке. Они не делают ничего, чтобы выглядеть особенно приметными, однако очарование юности столь велико, что обе невольно обращают на себя внимание окружающих.

В первую очередь, конечно, девочки имеют успех у особей мужского пола.

Прежде всего, как и положено обладателям южного темперамента, их перехватил молодой кавказец, в белых штанах, черной рубашке навыпуск и черных туфлях с загнутыми вверх носами, словно у падишаха.

— Ай, какая красавица! — заблажил он, адресуясь к черненькой Юлии, но при этом как бы имея в виду находящуюся рядом не менее прекрасную блондинку Настю. — Поедем, покатаемся, шашлык будем кушать, домашним вином запивать — а если захочешь, свадьбу сыграем, сейчас немедленно, ту женщину, что загсе сидит, вызовем, распишет нас навсегда, на веки вечные!

Юля вроде бы хотела вступить с южанином в игри-вый диалог, но блондинка Настя (которая, как мы помним, являлась ведущей в их паре) безапелляционно отшила южанина: «Отвянь, чернобровый!» — и утянула подружку за собой.

— Ты чего? — зашипела на нее товарка. — Клюет же!

— Ага, только у этого джигита из имущества — одна «шестерка» ржавая, а если ему вдруг дорогу перейдешь, тебя весь аул, если не вся их республика разыскивать будет! Пошли уже!

И они продолжили свое фланирование по набережной.

Море было великолепно: тихое-тихое и даже на вид теплое. То там, то здесь с пляжа доносились радостные выкрики купальщиков. Иные даже в волейбол в теплой воде играли.

О состоянии морской глади здесь рассказано не для красного словца и не для того, чтобы в духе писателей девятнадцатого века подпустить пейзажу. В довольно скором времени это сыграет важную роль в нашем сюжете.

* * *

И вот мы видим наших юных героинь, Настю и Юлю, за столиком в приморском кафе.

Стемнело.

Девушки потягивают коктейль — каждая своей. Однако *внимательный* наблюдатель мог бы заметить, что ни сейчас, ни в дальнейшем красотки алкогольных напитков не пьют, только делают вид — похоже, требуется им для чего-то сегодняшним вечером полная ясность и трезвость ума. Но дело заключается в том, что никаких внимательных наблюдателей вокруг нет — ни единого, кто тщательно следил бы за поведением парочки. Все, кто пребывает вокруг них в кафе, включая обслуживающий персонал, находятся в том или ином градусе подпития.

На импровизированной эстраде, небольшом возвышении, наигрывает на синтезаторе музыкант. Немолодой интеллигентнейший армянин в черных очках (несмотря на вечер), весь седой и с длинными пальцами. Удивительно, что он не лабает популярные шлягеры, а тихонько ведет джазовые импровизации. Играет хорошо — это понимают даже наши девушки, Настя и Юля, которых никто, увы, не учил музыке, но которые от природы обладают хорошим чутьем и тягой к прекрасному. Казалось бы, что делать музыканту столь высокого уровня в занюханном, провинциальном, курортном кабаке, да не в сезон? Однако ответ на этот вопрос немедленно выдает испитое лицо тапера и стоящий рядом с ним бокал, вроде бы с пепси, из которого пианист время от времени прихлебывает.

Народу в кафе немного — но все равно, в силу юности и красоты, девушки находятся в центре внимания.

Дебелая курортница за соседним столиком втихаря злится на мужа — тот, пузан в майке-алкоголичке без рукавов и в шортах, нет-нет да устремит на юниц свои безнадежные слюнявые взгляды.

Пьяная компания за соседним столиком (две семейные пары) красоток даже вслух обсуждает, причем сильный пол, разумеется, опасливо восхищается девицами, а дамы поносят и злятся. Долетает:

— Проститутки, прошмандовки...

— Но какие хорошенькие. Ты, Вер, такая же в молодости была...

— Ой, заткнись, пожалуйста, идиот!

Но главное внимание обращает на молодлиц как раз тот, кто имеет на это право. И кому девушки нет-нет да пошлют в ответ кокетливые взоры (особенно это удается беленькой и главной, Анастасии). Барышни заигрывают с ним потому, что, во-первых, он сидит за столиком в полном одиночестве; во-вторых, ему около сорока; и, в-третьих, он имеет все приметы человека состоявшегося — во всяком случае, как это понимается среди нестоличных мужичков, выезжающих отдохнуть на курорт в одиночестве, без своей половины. Выглядят символы успеха следующим образом: наглаженная белая рубашка; неброская, но весома золотая цепь, проглядывающая в вороте; изрядной величины борсетка, водруженная на стол.

На курорте он недавно — об этом свидетельствуют красные, обгорелые на солнце лицо и руки.

Дядя попивает коньячок, но очень умеренно — сидит вот уже полчаса напролет единственный бокал.

В отношении девиц он принимает решение довольно быстро и не церемонится — через официанта отправляет к ним на столик бутылку шампанского. Не французского, конечно, такового в заведении не водится, а «Абрау» — однако мужик, совершив даже подобную, весьма умеренную трату, преисполняется важности. Официант церемонно открывает для девушек бутыл-

ку шипучки, разливает по бокалам. В ответ на немой вопрос Насти выразительно указывает столик, откуда пришел дар. А когда удаляется, младшенькая (не только по возрасту, но и по роли), Юлия, мимоходом спрашивает, загородив рот, одними губами:

— Не мент?

— Не похож, — также безмолвно отвечает Настя, — а там посмотрим.

А спустя минуту мужчина решает совершить кардинальный шаг: подходит к таперу, что-то шепчет ему в ухо — тот кивает — и сует ему пару сторублевых купюр в нотную тетрадь. Музыкант начинает наигрывать древнюю, как он сам, мелодию Джо Дассена.

Кадрящийся мужик лихо преодолевает дистанцию до столика девушек и приглашает — разумеется, Настю, которая сильнее, чем подруга, поднаторела в искусстве кокетства.

Из-за столиков на них смотрит публика: мужчины — с нескрываемой завистью по отношению к лове-ласу, женщины — с ненавистью по части девушки. До Насти доносится шипение: «Женатый ведь наверняка человек!»

Танцует ухажер плохо. И ростом он даже на пару пальцев ниже девушки — если бы она каблуки надела, вообще был бы на полголовы, — но ей с него воду не пить.

Она вообще надеется, что танцует с ним первый и последний раз в жизни.

И ухаживает он в стиле дурно переваренных советов, что дают пикаперам мужские журналы — Настя их почитывает, чтобы, так сказать, знать врага в лицо. Вопросы, адресуемые ей, он ставит в открытой форме, чтобы девушка не могла с ходу выпалить «да» или «нет». А вот руки у него властные и требовательные — как положил одну лапищу на талию, а другую на бедро, так хрен когда отпустит.

— Как вам нравится здесь осенью?

— Неплохо.

Девушка не расположена откровенничать: много говорить — невольно выдавать лишнюю информацию.

— Вы в санатории остановились или в частном секторе? — напирает мужик. А вот этот вопрос — уже не в бровь, а в глаз. Подразумевается: а могу ли я к тебе, крошка, наведаться?

Настя глуповато хихикает и отвечает вопросом:

— А вы?

— Я в санатории. Совсем один.

Санаторий тут, в курортном местечке, единственный. Девушки заранее пробили-прокачали его по Интернету. Слава богу, ведомственная принадлежность всероссийской здравницы — никакая не ФСБ, или налоговая полиция, или МВД. Силовиками не пахнет. Отдыхают тут госслужащие среднего ранга, для них путевки раздаются с огромной скидкой, за двадцать процентов цены, а то и вовсе бесплатно — и это при том, что они и так нашу кровь пьют и как сыр в масле катаются.

Девушка снова хихикает. Молчать, кокетничать, смеяться: что еще нужно, чтобы заполучить мужика, тем более на курорте?

— Ну, так скажи: где ты обретаешься? — напирает он. — Что-то я тебя в нашей богадельне не видел.

— Мы с подружкой отдыхаем в частном секторе, — отвечает Настя и тут же добавляет, якобы безо всякого умысла: — Только у нас хозяйка страшно строгая, сразу сказала: никаких гостей, тем более мужчин.

От прозвучавшего в ее речи завуалированного как бы предложения самец немедленно воспаляется, нечто твердое упирается Насте в бедро. Но это шалишь — не время пока, не место. Она отодвигается.

— Я приду к вам. В смысле — для начала за столик.

И он впрямь провожает, как джентльмен, красотку на место и усаживается рядом.

Недопитый бокал с его стола незамедлительно при- таскивает официант, быстро оценивший смену диспо-

зиции, — видно, хорошо мужик его подогрел или посулил.

В то время, когда мужчина подходит и усаживается, Юлька тайком делает на свой телефон не меньше десяти фотографий: рука у нее наметанная, много раз они с Настькой тренировались, да и трижды на дело выходили — один раз, правда, в итоге сорвалось, но и слава богу.

Они знакомятся.

Дядьку зовут Слава. Немолодой и некрасивый, с залысынами. Интересно, он понимает, что за любовь надо платить, или искренне считает, что девушки ведутся на его могучий ум и неземную красоту?

Выпивают за знакомство — того шампанского, что преподнес им минутой ранее кавалер. Внимательный наблюдатель, повторимся, оценил бы, что молодницы алкоголь лишь пригубляют, — но мужик, вставший на путь гона, прозорливостью не отличается.

Теперь надо выяснить то главное, что девушек в клиенте интересует. После этого станет ясно, стоит ли вообще иметь с ним дело.

— А вы откуда, Слава, к нам прибыли? — Кокетство, с каким Настя задает вопросы, легко искупает их личный характер, и собеседники обычно не замечают подвоха, они слышат лишь ее нежный голос, видят тонкие пальчики, игриво теребящие собственные локоны, и потому теряют осторожность. Да и вопросы выглядят невинными.

— Из N. — Он называет областной город в Центральной России. Слава богу, что не Москва. С москвичами девушки стараются дел не иметь. Слишком много гонору, связей и возможностей.

— На самолете к нам прилетели?

— На машине.

Вот это то, что нужно.

— Покатаешь?

Вопрос не в бровь, а в глаз, поэтому Слава сразу воспламеняется:

— Поехали!

— Ну, подожди, еще не вечер, мы недопили, к тому же вон Хачик как старается, — кивок в сторону музыканта, — пошли лучше еще потанцуем.

И она выскальзывает из-за столика и тянет вялую тушку танцевать.

Черненькая Юля, вторая скрипка, в диалоге не участвует. Сейчас она и вовсе подхватывает свою сумочку и идет в сторону туалета — обычное дело, поправить, так сказать, прическу, — правда, девушки обычно удаляются вместе, но нынче не тот случай.

Борсетка нового знакомого остается лежать на столе, и мужчина, вальсируя с Анастасией, на нее нет-нет, а ревниво поглядывает.

Юля закрывается в кабинке, вытаскивает из сумки лэптоп, подключает к нему телефон, а потом открывает вай-фай. Сигнал в кафе хороший, а пароль они разужнали еще вчера, когда только приехали в городок и осматривались.

Девушка загружает в компьютер со своего телефона фотки нового знакомого, которые только что сделала. Три из них вышли смазанные, зато остальные ничего.

Юля включает программу распознавания лиц. Не может быть, чтобы, по нынешним цифровым временам, чувак нигде не засветил свое изображение в Интернете — не совсем старый ведь и вроде не силовик.

Программа ищет. С дикой скоростью мелькают на экране сотни лиц.

И вот, кажется, оно. Вылетает пара десятков почти совпадений, с экрана смотрят мужчинки, чем-то похожие на клиента, но когда девушка задает критерий поиска — «город N», тогда появляется одна-единственная физиономия. Он самый, Славик, только лучше качество, снимок парадный: в костюме и при галстукe — наверное, на пропуск фотографировался. Вот и фамилия: Вячеслав Порфеев.

Юля продолжает поиск. Взломанных и загруженных баз данных в ее компьютере полно. Ориентируется она в них, как в своей собственной комнате. Поэтому довольно скоро отыскивает всю возможную информацию о гражданине Порфееве.

Работает тот в городе N начальником отдела в земельном комитете. А автомобиль у него совсем не соответствует скромной должности госчиновника — в личной собственности джип «Лексус» последней модели, купленный два года назад. Очень хорошо. Надо надеяться, он прибыл из города N сюда, на отдых, именно на «Лексусе».

Лет клиенту исполнилось, согласно Интернету, тридцать девять, но в жизни он выглядит старше — вот что значит нездоровое питание и отсутствие спортивных нагрузок. И разумеется, Славик женат. Он-то в своем аккаунте молчит по-партизански, но супруга не удержалась, вставила его в соцсети два года назад, вместе с активной ссылкой: на отдыхе в Турции. Он, весь такой пузатый, а она, можно сказать, красotka, так и льнет к нему. Зашквар! Что же за бабы-дуры! Да еще и детишек двое: девочке одиннадцать, мальчику восемь, прям образцовая российская семья. Что ж ты взялся, Славик, на курорте кобелировать!

Впрочем, наличие семьи для Насти с Юлей большой плюс — как вот он будет объяснять своей блондиночке и деточкам, *что* с ним на курорте приключилось?

Ладно, пора возвращаться за столик.

Юля сворачивается.

Из кафе все посетители разошлись — сказывается осень. Остались лишь Настя с клиентом. Да музыкант-армянин наигрывает тихонько нечто томное. Если присмотреться, видно, что он сильно набрался, однако многолетняя выучка сказывается, и он почти всегда попадает в ноты.

А за столом господин-товарищ Порфеев по-хозяй-

ски приобнимает Настю, другой рукой тянется к ее груди. Девушка хихикает и вырывается.

— Музыкант! Свадебный марш! — кричит мужчина и швыряет в сторону Хачика тысячную бумажку.

Тот ловит ее на лету и урезает Мендельсона.

Славик кричит «Горько!» и старается поцеловать ухажерку в губы. Она, хохоча, отталкивает его.

Юля садится третьей к ним за столик. Настя исподволь устремляет на нее вопросительный взгляд. Черненькая едва заметно кивает.

Этот обмен сигналами означает: «Все в порядке, можно работать». И тогда Настя обращается к мужчине: «Ты обещал нас покатать». И хоть тот еще ничего не обещал — она сама к нему напрашивалась, — Славик орет на все кафе: «Поехали! Человек, счет!»

Когда он расплачивается и они встают, Настя слегка виснет на нем и что-то шепчет прямо в ухо.

Мужчине ее интимное предложение очень нравится. Он осматривает сальными глазками невысокую, но ладную фигурку Юли и вопит: «Конечно, хочу обеих!»

Все трое покидают кафе, причем Славик в центре, он держит обеих девушек за талии и пытается по ходу дела добраться до грудей.

Музыкант Хачик (это его настоящее имя) импровизирует, на ход ноги, на основе свадебного марша, и как-то едва заметно мелодия превращается под его перстами сначала в канкан, а потом — в похоронный марш.

Официант, пересчитывая чаевые, беззвучно аплодирует приятелю-музыканту.

* * *

А троица не слышит музыкальных трансформаций, она уже сидит в машине, припаркованной неподалеку. Славик — за рулем. Рядом, естественно, Анастасия. Юля — сзади.

Машина та самая, что отыскала в Интернете брюнетка: «Лексус»-джип, с номером N-ской области.

— Мы знаем тут, на берегу, чудесное местечко, — говорит Настя. — Очень интимное. Будем купаться.

— Гольми! — ревет мужчина.

Девушки хихикают.

* * *

Через пару минут авто подруливает к круглосуточному поселковому магазину.

Внутрь заходит Славик в сопровождении обеих виснущих на нем девиц.

Сонная продавщица, которая смотрит сериал на маленьком старом телевизоре с выдвинутыми антеннами, злобно говорит:

— Чем вам помочь? — В ее исполнении это звучит как «шли бы вы куда подальше».

— Хочу шампанского, — капризно тянет Настя.

— Три бутылки шампанского, — командует мужчина. — Полусладкого! И коньяк. И конфет коробку, самых лучших!

— И три одноразовых бокала, — подсказывает старшая из девушек. — Мы ведь не звери из горла шипучку тянуть.

— Одноразовых бокалов нет.

— Давайте любые другие, пусть *много*разовые.

Продавщица с ненавистью лезет на верхнюю полку и достает оттуда коробку с настоящими бокалами из прессованного стекла.

Для девушек почему-то наличие бокалов — настолько принципиальный момент, что, если бы их в сельпо не нашлось, у запасливой Юли в объемистой сумке припасено, на всякий случай, три одноразовых пластиковых стаканчика.

* * *

Троица заезжает на полянку рядом с морем.

Славик глушит двигатель.

Темно, тихо, только слышно, как слегка, очень ин-

тимно, накатывается на берег водная гладь, шипит, мурлычет, откатывается и снова накатывается: пшшш, шух, пшшш, шух.

— Ну, давайте, девчонки, по рюмочке выпьем — и купаться!

Вячеслав раскрывает коробку с бокалами, откупоривает шампанское. Пробка улетает по дуге, пена стекает по стенкам бутылки.

Мужчина разливает, все трое чокаются.

Порфеев выпивает залпом.

— Ты, Слава, дорожной полиции не боишься — назад в санаторий ехать? — спрашивает Юля.

— А мы здесь и заночуем, — пьяно смеется он.

— Ну, я купаться, — говорит Настя. Она отходит в сторонку, быстренько снимает с себя совершенно всю одежду и бросается в море.

Обуреваемый похотью мужчина тоже скидывает с себя одеяние и в шуме брызг кидается на встречу с девушкой — ее головка белеет довольно далеко от берега.

Теперь — выход Юли. Она не теряет и время не теряет. Сначала достает из машины борсетку Вячеслава. Просматривает. Денег у того немного, тысяч семь. Она забирает их себе. Еще есть кредитки — их девушка не трогает. Просматривает документы: права, паспорт. Да, с программой распознавания лиц она не ошиблась, с базами данных тоже. Их клиент действительно Вячеслав Порфеев, прописан в городе N, женат, двое детей. И машина «Лексус» принадлежит ему.

Со стороны моря, темнеющего вблизи, слышится заливистый смех Анастасии. Юля оставляет борсетку в покое. Достает из своей сумки небольшой пузырек с какой-то жидкостью и выливает его содержимое в один из бокалов.

В море Славик настигает Настю, она бурно смеется и кричит:

— Ой, осторожней! Ты меня утопишь!

Девушка вырывается из объятий мужчины и бросается к берегу. Плавает она явно лучше его. Мужик кричит:

— Стой! Ты куда? Русалка!

А потом, видя, что не догонит, адресуется к сидящей на берегу Юле:

— Давай ты теперь ко мне плыви!

Она отвечает:

— Я позже!

А вылезаящая на берег Настя кричит мужчине:

— Давай лучше выпьем!

Когда она выбирается, Юля заботливо протягивает ей полотенце и, в ответ на вопросительный взгляд товарки, чуть заметно кивает.

Настя вытирается, заворачивается в полотенце, а другое швыряет выходящему из воды Славику:

— На, прикрой свой срам!

— Никакой у меня не срам, а ого-го!

Он вылезает, вытирается — и тут Настя преподносит ему бокал, тот самый, со снадобьем.

— Ух! Хороший у вас тут сервис! — Он залпом опорожняет содержимое. Потом отшвыривает сосуд, полотенце и начинает жадно обнимать и целовать обнаженную Настю. Та отбивается:

— Давай подожди! Мы же тебе обещали втроем! Давай Юльку позовем, она же обидится! Сидит, бедненькая, в одиночку! — И кричит подруге: — Юлька, Юлька, раздевайся, давай к нам!

Юля никакого желания присоединиться к парочке не выказывает.

А Славик не унимается, насаждает на первую жертву.

— Перестань! — вдруг зло кричит она, отступает и резко бьет мужчину прямо под дых.

Тот изумленно сипит:

— За что?

— Говорю тебе, подожди!

Тот снова приступает к ней, опять начинает обниматься — но вдруг руки и ноги его слабеют, заплетаются.

— Что за черт... — бормочет он, а потом вдруг что-то понимает. Орет: — Ты отравила меня! Отравила! — и бросается на девушку уже отнюдь не с любовными намерениями.

Настя отскакивает. Но мужчина совсем слабеет. Падает, голый, навзничь на траву. Глаза его закрываются. Он еще пару раз дергается, но вскоре замирает.

* * *

Голый мужчина лежит у ног девушек.

Настя заботливо считает ему пульс.

— Ударов сорок в минуту, но наполнение хорошее. Выживет. Будем надеяться, проспит до утра.

Юля прикрывает полотенцем лежащее тело мужика.

— Не надо, — качает головой старшая подруга.

— Что так?

— Если останется голый, сложнее ему будет полицию искать.

Обе хохочут.

Настя одевается.

— Давай его борсетку.

— Деньги я забрала. Кредитных карт полно. Посмотрим, может, он где пин-код записал?

— Не такой же он идиот! И потом, полиция сейчас кредитки на раз отслеживает. Лучше не связываться.

И карточки летят в море. Туда же отправляется и паспорт мужика, Порфеева Вячеслава Тимофеевича, уроженца N, восьмидесятого года рождения.

— Цепуру снимем с него? — предлагает Юля.

Настя морщится:

— Что мы с тобой, мародеры?!

А вот документы на машину Настя сует себе в сумку.

Потом девушки тщательно убирают место преступления. Протирают бутылку от возможных отпечатков пальцев. Ту же операцию проделывают с бокалами. А потом со словами «Прости нас, Черное море!» Настя зашвыривает и то и другое в воду.

Затем, посмеиваясь, закидывает в море телефон гостя, а следом — всю его одежду.

— Вот тебе, парниша, курортное приключение с легкодоступными биксами!

— Причем сразу с двумя!

Совершенно голый мужчина (с одной только золотой цепью на шее) спит, развалясь, на мелкой гальке.

* * *

Шикарный джип «Лексус» несется по пустынному шоссе.

Светает.

За рулем — белокурая бестия Настя. Рядом с нею — черноглазая красотка-казачка Юлия. Настроение у обеих самое приподнятое. Они сделали, что хотели.

Сделали — снова. И никто им не смог помешать, и сам черт обеим девахам не брат.

Они наслаждаются дорогой и шикарной машиной. Подпевают песне, которая несется из дорожной аудиосистемы.

Юля спрашивает товарку:

— Скажи, вот откуда у простого начальника отдела какого-то вонючего земельного комитета может быть такая крутая тачка?

— Ты сама знаешь откуда, — усмехается шоферша.

— Ворует?

— Эшкере!¹ А мы, получается, как тот чувак... Помнишь, фильм был старинный. Еще советский... Как мужик у разных богатеев и торгашей тачки воровал?

— «Берегись автомобиля»?

— Во-во.

— Помню, конечно. Режиссер Эльдар Рязанов, в главной роли Иннокентий Смоктуновский, релиз шестьдесят шестого года.

¹ Эшкере (*молодежный сленг*) — в данном контексте выражение согласия.

- Все-то ты на свете знаешь, Юлька.
- Не все, но то, что мне реально интересно, знаю.
- Так мы тоже, как Смоктуновский, у всяких скотов и жуликов ворует машины.
- Только он обычно деньги, что за машины выручал, в детские дома перечислял. А мы?
- А я сирота, — смеется Настя. — Только чудом в детдоме не оказалась. И ты тоже безотцовщина. Вот мы и помогаем обездоленному молодому поколению — в своем собственном лице.

* * *

Совсем рассвело, но еще рано.

На безлюдном шоссе — засада ДПС. У обочины припаркована, как водится, машина. Двое полицейских. Один сидит внутри патрульного авто, второй сучает на обочине. Помахивает палочкой.

Навстречу несется джип «Лексус» с номерами N-ской области. Гаишник оживает. Берет палочку наперевес и преграждает автомобилю путь.

Внутри чужой, угнанной тачки — две красавицы. Лицо водительницы, Насти, мертвеет. Юлия закрывает глаза от страха и шепчет:

— О господи, ну все. Попались!

Настя с ненавистью командует:

— Сиди тихо! Хозяин машины, этот Славик, сто пудов, еще к людям не выбрался. А выбрался — все равно тачку не успели в розыск подать. Поэтому ровно сиди и улыбайся!

Полицейский неторопливо, вразвалочку подходит к водительской дверце. Нет, это совершенно не тот радужный и незатейливый служака, которого в фильме, только что упомянутом девушками, сыграл Георгий Жженов.

Теперешний мент, нынешней российской складки — улыбчивый, непробиваемый, хитрый, пузатый, — кажется родным братом ограбленного чиновника. Он знает,

зачем каждый день тянет свою лямку. Ему надо хорошо жить — сейчас. Обеспечить семью, построить добротный дом, выучить и удачно женить дочку. А какими средствами будет благоденствие достигаться: законными, полузаконными, вовсе не законными — дело десятое. Он здесь, на шоссе, поставлен — *кормиться*. И чтобы нарушители боялись — скорость снижали, не носились пьяными. Он ведь не враг себе, своей семье, однополчанам, соседям и однокашникам — преступников за рулем наказывает. Если они, конечно, не в состоянии откупиться. Впрочем, когда они откупаются, это ведь тоже наказание, разве нет? В другой раз трижды подумают, как сесть за руль пьяными или скорость превысить.

Настя опускает стекло со своей стороны.

Полицейский хмуро козыряет, бубнит:

— Старший лейтенант Баранов, ваши документы.

Настя лучезарно улыбается. Протягивает собственные права плюс документы на машину, зарегистрированную на Вячеслава Порфеева. Дэпээсник внимательно и хмуро рассматривает удостоверения.

— Кому принадлежит данное транспортное средство?

— Славику, папику моему. Покататься дал.

— Из самой N-ской области катаетесь?

— Нет, мы с ним здесь, в санатории «Южные дали», отдыхаем.

— Полис ОСАГО, будьте любезны.

Вот здесь, конечно, прокол. Никакая Настя в полис Порфеева, разумеется, не вписана. И нет в нем, увы, специальной пометки, что машиной разрешается управлять кому угодно. Поэтому девушка заранее, еще на морском берегу, подготовилась: вложила в свернутую страховку пятитысячную купюру.

Мент берет полис — и вместе со всеми документами неторопливо удаляется к «расписной»¹ машине.

¹ То есть с символами полиции.

— Ну все, конец, — шепчет Юля.

Настя цыкает на нее:

— Сиди спокойно и молись!

— Может, бросим тачилу? Выскочим и смоемся?
Лес кругом. Не догонят.

— Молчи, дура.

— Или задушим ментов. Обоих.

— Ты совсем ума лишилась? Как ты их задушишь?

Двое здоровенных мужиков, с оружием!

— Соблазним. Предложим сексом заняться. А потом, когда они расслабятся...

— Тихо сиди, идиотка. Не паникуй. Все будет хорошо.

Наконец, через несколько минут — показавшихся девицам вечностью — старший лейтенант Баранов возвращается. Не меняя выражения хмурого лица, отдает Насте документы:

— Можете продолжать движение.

* * *

Тем временем рассвет над морем будит наконец Славика, любителя сексуальных утех.

Голый, с больной головой, он нетвердо встает на ноги.

Покачиваясь, осматривает и обходит уединенную бухту.

Он лишился всего. Нет ни брюк, ни документов, ни того, чем прикрыть наготу.

Нет и машины.

Загородившись спереди потертым, рваным полиэтиленовым пакетом, который выбросило море, он шлепает, пошатываясь, в сторону дороги.

* * *

А девушки в тот же самый момент достигли места назначения.

Это захолустные полузаброшенные гаражи где-то на окраине провинциального то ли города, то ли поселка.

Настя и Юля подруливают на джипе к хорошо знакомому боксу.

Выходит нервный длинноволосый парень в шлепанцах на босу ногу, замечает девчонок на машине, осматривается — не видит ли кто — и безо всяких слов и приветствий распахивает ворота: заезжай, мол.

Анастасия загоняет «Лексус».

С чувством облегчения обе девушки вылезают из машины.

— Документы имеются? — спрашивает мужчина.

Настя протягивает ему свидетельство о регистрации авто.

Тот берет, внимательно изучает. Потом спрашивает:

— Ключи?

— Деньги сначала давай, — парирует Настя.

Мужик нехотя и неспешно лезет в ящик старого письменного стола, стоящего в углу гаражного бокса (все пространство завалено инструментами, банками с маслом и присадками, старой ветошью). Достает стопку столондаровых купюр, перехваченных резинкой.

Настя недоверчиво взвешивает пачку в руке, потом принимается считать. Когда пересчет закончен, заявляет:

— Здесь всего шесть. Где еще четыре?

— Богом клянусь, не успел собрать. Через три дня будет.

— Давай, открывай ворота. Мы уезжаем. Прощай!

— Настыка! Ну я разве когда тебя кидал?! Ну поверь мне! Отдам я тебе все деньги!

— Открывай ворота, чудило!

— Куда ты поедешь? Машина наверняка в розыске.

Тут вступает Юля — не на Настинной стороне:

— И впрямь, Насть, куда мы теперь поедем?..

— Залезай в машину, чучело! — рычит на нее Анастасия. А потом хватает со стола разводной ключ и приступает к хозяину гаража: — Открывай давай! Да я луч-

ше тачку в Черном море утоплю, чем позволю, чтоб меня кинули!

— Ладно! Тихо ты, бешеная!

Нервный человек лезет за пазуху и протягивает Насте еще одну пачку американской валюты, на этот раз ничем не перевязанную и разлохмаченную.

Девушка пересчитывает:

— Здесь три шестьсот. Итого девять шестьсот. Четыре сотни все-таки зажал, крохобор!

— Клянусь! Нету! И так весь в долгах!

— Ладно, держи, убоище! — Настя кидает ему ключи от джипа. Мужик ловит их на лету.

Настя бросает доллары в свою сумку. Девушки открывают калитку в воротах гаражного бокса и выскальзывают наружу.

Вокруг занимается жаркий день, и они, повесив на плечи свои объемистые сумочки (которые одновременно, как мы знаем, являются их дорожной поклажей), вышагивают по территории гаражного кооператива, направляясь куда-то к центру городка.

— Ну что? — смеется Настя. — Мы опять сделали это!

Они хохочут и обнимаются.

Настроение у девиц самое безоблачное.

* * *

В то же самое время голый Славик Порфеев, прикрыв старым полиэтиленом свой срам и сверкая обнаженной пятой точкой, мечется на полузаброшенной приморской дороге, пытаясь остановить хоть какую-то машину.

Первая тачка огибает его и панически уезжает.

Так же поступает и вторая.

— Маньяк какой-то! — комментирует женщина внутри авто. — Вадик, поехали! — Водитель прибавляет газу, и авто обдаёт несчастного дорожным песком и пылью.

И только третья, когда Порфеев чуть ни бросается к ней на капот, останавливается.

Любитель легких приключений кидается к водителю:

— Спасите, бога ради! Меня обокрали! Все забрали, одежду, документы, машину! Довезите, ради Христа, к санаторию «Южные дали»! Я вам заплачу! — Он срыгает со своей шеи цепуру и тычет ею в окно.

— Садись давай, мужик, — говорит водитель. — И цепь свою прибери. С голых денег не беру, я тебе не проститутка! Там у меня на заднем сиденье женино старое пальто валяется, прикройся им хотя бы, яйцами своими тут не тряси.

* * *

— Криминологи утверждают, что самые первые преступления в серии обычно совершаются на примерно равном удалении от того места, где проживает преступник. Первое произошло здесь, — и карандаш пометил на карте морского побережья первый курортный поселок, — второе — тут, — стило уперлось в другое название — Каравайное. — Ну, с одной стороны у нас — Черное море, и это нам дело сильно облегчает, потому как в водной глади наши милые крошки, совершенно понятно, проживать не могут. Зато вот здесь — сколько угодно.

Мужчина берет циркуль, раскрывает его так, чтобы оба места преступления оказались внутри него, а потом выписывает полукруг, захватывающий изрядный кусок берега плюс значительное пространство материка. Потом аккуратными линиями заштриховывает это пространство. Внутри полукруга оказываются отстоящие от берега моря на несколько десятков километров городки, поселки и станции: Дефановка, Молдовановка, Горячий Ключ, Пшада, Текос, Красивая...

Именно в последнем городе — точнее, в станице — и проживают наши преступницы.

Жаркий день, однако солнце не очень высоко и не шпарит по-летнему, обжигая, а греет ласково, по-осеннему. Обе хорошо знакомые нам девушки трудятся на участке. Но сад и огород здесь, на российском Юге, в отличие от средней полосы означает далеко не только картофель, свеклу или яблоки. Тут произрастает и такая экзотика, как инжир, орехи (земляные и грецкие), виноград. И все это великолепие тоже следует убирать. Осенью как раз самый урожай.

Девушки ножницами срезают тяжелые черные кисти винограда «Изабелла», складывают в корзины. От работы жарко. Пот струится по их лицам. Привлеченные виноградом, жужжат полосатые пчелы и осы.

— Мы как миллионер Корейко, — ворчит черненькая, Юля. — Сидим на деньгах, а сами надрываемся на глупой работе.

— А что ты предлагаешь? Пойти и прогулять все, что у нас есть, в каком-нибудь еще более глупом ресторане?

— Нет, зачем? В Москву поедем. А лучше — в круиз.

— Подожди, Юлька. Потерпи. Ну, сколько мы там бабла собрали? За месяц прокутим. А надо ведь и мамке что-то оставить.

Тут как раз, по принципу «легко на помине», к калитке усадьбы, где надрываются девчонки, подъезжает старый, раздолбанный велосипед советского еще производства, а на нем — немолодая женщина в заношенном сарафане и стоптанных домашних тапочках. Она похожа на актрису Рязанову — только, может, на пару-тройку лет моложе. И еще заметно, что они с Юлей родственницы. Точнее, чернявая девушка представляет собой словно исправленное и улучшенное издание матери: более молодая, свежая, с тонкими, а не расплывшимися чертами лица. Вторая сестренка, худенькая

и светленькая Настя, нисколько на грузную, приземистую почтальоншу не похожа.

— Приветтики, мамуля, — говорит Юля со всей снисходительностью, что испытывает молодость по отношению к «отжившему классу».

— Здравствуйте, тетя Ира, — приветствует женщину Анастасия с несколько бóльшим, чем подруга, пиететом.

— Как дела, девчонки? Много собрали?

Юля указывает на огромные берестяные короба.

— Маловато, — констатирует женщина. Она изо всех сил пытается казаться (а может, и быть) строгой, однако природная ее доброта и радушие не позволяют слишком преуспеть в этом. — Ладно, пошлите уже ужинать.

* * *

Трапезничают в летней кухне. Это небольшая постройка, которая, как принято на российском Юге, находится в стороне от основного дома. Здесь все, «как у людей»: плитка на баллонном газу, электрочайник, небольшой телевизор, холодильник, и даже стиральная машина имеется. Однако видно, что все или старое, древнее, или дешевое настолько, что дальше некуда. Если электрочайник — то неизвестной миру китайской фирмы. Если телевизор — то прошлого поколения, с кинескопом. Ну а холодильник — пузатый «Зил», что старше Юли и Насти, вместе взятых. Еда на столе — тоже самая простая: тушеные кабачки со своего огорода.

Женщина, которую Юля именovala мамой, а Настя — «тетей Ирой», достает из холодильника два трехлитровых баллона. Щедро плещет себе в бокал домашнего вина.

— Устала я, — как бы извиняясь, говорит «тетя Ира», — к тому ж не среда, не пятница. Денек не постный — почему б не выпить...

К баллону тянется Юля.

— Куда? — одергивает мать. И наливает ей из другого сосуда виноградного сока — такого же красивого, но, увы, совершенно безалкогольного.

— Мам, ну я совершеннолетняя давно! А Настька тем более. А ты нам выпить запрещаешь.

— Сказано тебе: будешь пить, лучше я тебя своими руками прибью. Не слыхала разве — алкоголизм по наследству передается? А у тебя, слава богу, наследия хватает: и папаша покойный запойным был, и отец его Савелий, и мой папаша, дед твой Максим. Хватит! Женский алкоголизм не вылечивается!

— Ага, я вижу, — фыркает Юля, совершенно понятно намекая на мать.

— Что ты видишь? Что? стакан сухого виноградного вечером?

— А почему Настьке нельзя? Ее папаня, дядь Миша, говорят, не пил. Кроме того, наследственные болезни как раз передаются ходом шахматного коня — от дяди к племяннику или племяннице... Как в «Мастере и Маргарите» говорится? — И она цитирует близко к тексту: — «Ивану приходилось рассказывать всякую чушь про дядю Федора, пившего в Вологде запоем». А ее папаша, мой дядя Миша, он, ты сама говорила, выпивал умеренно.

— Хватит уже умничать, Юлия Батьковна, — морщилась мать. — Скажи спасибо, я вам гонять на курорты не запрещаю. Можно подумать, вы там тверезые сидите.

— Это не «курорты», а экспедиции, — важно заявляет Юля. — В поисках перспективной работы или влиятельных женихов.

— То-то вы из последней «экспедиции» через три дня вернулись.

— А что делать, если работодатель сволочь оказался?

— Ага, и женихов влиятельных вы много нашли. Смотрите, как бы в подоле чего не привезли. Или трепак.

— Фу, мамаша! — высокомерно морщится Юля. — Как вы грубы!

* * *

Ночью того же дня девушки лежат в своих кроватях в доме — скромной беленькой мазанке.

Слышно, как в соседней комнате похрапывает мама, она же тетя Ира. Подружкам и названным сестрам не спится. Они ворочаются, каждая на своей кровати. Противно тикают ходики. Откуда-то издалека брешут собаки. Орет оголтелый ранний петух.

— Как думаешь, что будет, — спрашивает младшая, Юля, — когда мать узнает, чем мы с тобой занимаемся?

— Авось не узнает.

— Сколь веревочке ни виться...

— Перестань каркать. Все будет хорошо. Мы с тобой поднимем еще денег, а потом оставим матери клад, а сами усвистаем в теплые края. По-настоящему теплые. Карибы, Канары, Мальдивы... Спи давай. Кошка съела, хвост облез. Кто промолвит, тот и съест. — И Настя поворачивается на бок, лицом к стене, и вскоре засыпает.

И является ей кошмар, который время от времени настигает ее, преследуя с пятилетнего возраста.

* * *

Видит она во сне следующее.

Изобильный южный дом. Три этажа. Во дворе — бассейн.

Девичья комната — светелка. Она богато уставлена: с мобилями, картинами, специальными детскими обоями. На полу — ковер с принцессами. В углу — ящик с игрушками. Любимые куклы и плюшевые зверьки расставлены на столе. Белеют двери собственной туалетной комнаты и гардеробной.

Девочка лет пяти — это юная Настя — спит в кроватке в обнимку с плюшевым дельфином.

Вдруг снизу, с первого этажа, где вечерами сидят у телевизора родители и откуда так уютно слышится его бормотание, раздается хлопок двери. Затем — резкие мужские голоса.

Девочка в своей кровати дергается и просыпается. Глаза ее широко открыты.

А снизу несется взволнованный голос отца. Слов не слышно, но он разгневан.

В ответ — несколько резких ударов. Шум падающего тела. И сразу же — истошный крик матери.

Девочка — будто кто-то специально учил ее этому — не кричит, не плачет, не зовет на помощь. Она вскакивает, деятельно пробегает босичком по полу (она в пижамке) и забирается в гардеробную. И все, что происходит в доме в дальнейшем, она только слышит, но ничего не видит.

Вслед за вскриком матери раздается удар, затем второй, и падает еще одно тело.

А потом звучат выстрелы. Первый, второй, третий. И — совсем уж отчаянный женский крик. Который — бабах! — и обрывается.

Девочка, что сидит в гардеробной, беззвучно плачет, вздрагивает — но не издает ни звука.

А потом она слышит голоса мужчин. Они поднимаются по лестнице. Они все ближе.

Наконец, дверь в детскую растворяется. Девочка сквозь деревянные жалюзи гардеробной видит мужские силуэты.

— Где эта маленькая сучка? — спрашивает один, замечая разобранную пустую постель.

— Сбежала! — отвечает второй. Он распахивает дверь в ванную. Смотрит там за душевой занавеской с игривыми мультяшными дельфинами — девочки нет.

В этот момент где-то далеко на улице слышится вой милицейских сирен. Они приближаются.

— Ходу, Лысый, — говорит первый. — Наплевать на девчонку. — Он тащит за собой второго к выходу.

Но тот мимоходом всаживает две пули в гардеробную — они легко пробивают решетчатые дверцы, но, слава богу, не попадают в маленькую Настю. Та беззвучно плачет.

* * *

В этот самый момент Настю, уже взрослую, тормозит Юлька. Девушка дергается, просыпается и садится на кровати.

— Что, опять? — спросонья переспрашивает она.

— Да.

— Ох, все тот же сон. Такой кошмар! Спасибо, что разбудила.

— Ничего, ничего. — Юля садится на кровати рядом и обнимает сестру за плечи. — Все прошло, все давно минуло.

— Но маму с папой не вернешь.

— Зато у тебя теперь есть я. И тетя Ира.

— А ты помнишь, как меня впервые сюда привезли?

— Нет, я тогда еще слишком маленькая была.

— Скажи, я ведь не забыла, мы с родителями богато жили. Дом трехэтажный, бассейн, все дела. А если моих предков убили — почему не я это унаследовала? Почему мы так живем — ну, скромно?

— Не знаю.

— Может, у тетя Иры спросить?

— Ну, спроси.

— А может, ты разузнаешь? Тебе она все-таки родная мать. А если я буду выяснять, как-то неудобно получится, вроде я недовольная. Или на чужое претендую.

— Почему чужое? Мать моя тебе — родная тетка.

— Все равно лучше ты узнай, при случае. Как она в хорошем настроении будет.

* * *

Совершенно о другом идет разговор в то же самое время в совсем другом месте — в полуночном кабинете, бог знает где.

Первый говорит:

— Я предлагаю оперативный эксперимент.

— Ловить на живца? Как ты себе это представляешь?

— Известно как. Оперативные работники под прикрытием выезжают в район. Там всячески привлекают к себе внимание подозреваемых. И задерживают в момент совершения нового преступления.

— Ты представляешь себе, что такое Черноморское побережье? От Адлера до Анапы протяженность километров триста. Сотни пляжей. Десятки городов и поселков. Тысячи кафе. Я понимаю, конечно: операм под прикрытием там работать слаще, чем здесь, в Кубанске. Но они до морковкина заговения будут наших красоток пасти, и не факт, что выпасут. Поэтому идея хорошая, но невыполнимая.

— И?..

— Надо работать через машины. Где-то они ведь их сбывают? Есть ведь точка, где подельники их разбирают на запчасти. Или реализуют.

— А может, прямо гонят на Кавказ, с документами. А там их — ищи-свищи. Нет, хоть пару оперов я бы на Черноморское побережье в рамках следственного эксперимента отправил.

* * *

На осеннем пляже расположились двое мажоров.

Шезлонги, зонтики, коктейли.

Оба парня — красавцы. Молодые, высоченные, стройные. Лет двадцати пяти—двадцати семи. И сразу, еще без одежды — по плавкам, что ли, а может, по говору, по жестам, — видно, что москвичи. И скорее всего,

из высших слоев общества. Словом, люди не бедные. Об этом даже солнцезащитные очки свидетельствуют. У первого — от «Диора», причем явно не на китайском рынке купленные; у второго — от «Кензо».

Как и в любом обществе — как и среди наших героинь, Насти и Юли, — один из парней в этом дуэте выступает явным лидером. Второй ведомый. Если переводить их взаимоотношения и статус на язык, допустим, табели о рангах Российской империи, то первый скорее соответствует коллежскому секретарю, а второй — секретарю губернскому. Если же трансформировать их в звания современной армии, то первый, пожалуй, тянет на капитана, а второй — на старшего лейтенанта. Первый и крупнее, и мускулистей, и лицом красивее. Вдобавок у него пара шрамов — на спине, в районе печени, на правой груди, и еще отметина на лбу. Шрамы, в соответствии с поговоркой, отнюдь не портят, а только красят его.

Первый из мажоров зовется Артемом. Второй — Андреем.

В дополнение к их парному портрету следует добавить, что у первого (главного, именуемого Артемом) под рукой, на полотенце, лежит фотоаппарат с длиннофокусным объективом. Он его время от времени, отставив коктейль, берет в руки — и выпускает целую серию щелчков, целя в основном в окружающих его на пляже персонажей. Так как объектив телевизионный, то никто на пляже не замечает, что попал в память аппарата — ни мужчина, застегивающий купальник своей супруге — столь толстой, что кажется, будто он надевает на нее сбрую; ни кавказец, настолько поросший черным волосом, что создается впечатление, будто он одет в каракулеву шубу; ни две юные полненькие провинциальные девы, обгорелые на солнце до состояния молочного поросенка.

Сами молодые люди, нимало не стремясь к тому, обращают на себя внимание пляжа своей столично-

стью, модностью и очевидной молодостью. Не одна матрона украдкой вздыхает, при взгляде на них, по своей утраченной боевой молодости. Не одна юная дева приободряется, старается подтянуться (где надо), а где надо, наоборот, выпятиться и принять самую выгодную и наиболее соблазнительную позу. Не одна как бы случайно дефилирует мимо шезлонгов, занимаемых Артемом и Андреем, причем выбирая ракурсы, в которых выглядит самым выгодным образом.

Однако парни вроде бы не замечают столь очевидных тщаний — а может, и впрямь не замечают? Может (закрадывалась даже кое у кого из числа отдыхающих на пляже мысль), оба принадлежат к касте, что имеет столь широкое распространение на Западе — а теперь и нас потихоньку начинает завоевывать? Может, они не просто двое — а *пара*? Хоть, если взглядеться, ничто вроде не указывает на подобную возможность — нет в арсенале парней никаких томных взоров или жеманных поз, — но чем черт не шутит, может, и в суровый богатырский казачий край пролезло нечестивое поветрие? Иначе почему они вдвоем? И никакого внимания не обращают ни на одну из прекрасных полуобнаженных дев в купальниках?

В том числе не замечали эти двое и наших героинь. Юные Настя и Юлия, которые привыкли быть и чувствовать себя звездами, разумеется, обратили внимание на тех, кто теперь отвоевывал у них первые позиции в неофициальном рейтинге «звезд пляжа». Однако никаких действий девушки пока не предпринимали — так же вольготно расположились в шезлонгах, скромно попивали соки через трубочку и время от времени отшивали пляжных приставал, которые пытались добиться их благосклонности.

Но когда молодые люди встали и принялись одеваться — а время шло к семи вечера, и солнце стремительно клонилось за поросшую целебной сосной гору, — Настя едва заметно кивнула Юле. Та, впрочем, и безо вся-

ких сигналов все поняла. Поднялась, зябко закуталась в полотенце, а затем исподволь приблизилась к красавцам — находясь, впрочем, в приличном отдалении. Те, подхватив рюкзак, один на двоих, отправились к выходу с пляжа. Следует заметить, что в одетом состоянии оба парня выглядели не хуже, чем в плавках. Знатоки могли бы опознать среди их носильных вещей поло из «Ральф Лорена», сандалии от «Балдини», шорты от «Ганта». Те же встречаемые, кто в вопросах моды был невежественен (как в целом наши героини), — те, по крайней мере, обращали внимание, насколько просто, стильно и дорого молодые люди смотрятся.

Юля довела их куда следовало, а вернувшись назад, на пляж, в азарте прошептала подруге:

— У них «Ауди», А-шесть, красная!

И обе стали спешно собираться.

* * *

Вечер девушки начали с того, что обошли все имеющиеся в курортном поселке кафе. Поселок, почему-то названный греческой буквой Гамма, надо заметить, был совсем иным, нежели тот, где они «работали» в прошлый раз. Этот оказался еще более камерным, чем первый. Ни единого санатория или даже Дома отдыха здесь не значилось — только пара турбаз, в которых отдыхающие уютись в домиках без удобств. Сейчас, по случаю осени, базы стояли полупустыми. Немногочисленные отдыхающие обретались в основном в частном секторе. Кое-кто из экстремалов жил в палатках. Дни проводили на пляже, а если задувал ветер или разыгрывался шторм, гуляли по окрестностям. Вечера проводили, сидючи в кафе.

Все заведения жались к морю. Все они были открытыми, без стен, располагались под навесами, поэтому не надо было заходить внутрь, чтобы понять, кто сидит за столиками.

В самом последнем по счету неподалеку от входа